

філософської герменевтики, співпраця яких збагатить методологічну базу обох дисциплін.

Список літератури: 1.*Грюнбаум Адольф* [Електронний ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.cyclopedia.ru/93/195/2677583.html>. 2.*Грюнбаум, А.* Критика психоанализа [Текст] / А. Грюнбаум // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 105 – 129. 3.*Грюнбаум, А.* Отживает ли фрейдистский психоанализ свой век [Текст] / А. Грюнбаум // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 173 – 174. 4.*Грюнбаум, А.* Теория Фрейда и философия науки [Текст] / А. Грюнбаум // Вопросы философии. – 2004. – № 1. – С. 91 – 106. 5.*Куттер, П.* Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов [Електронний ресурс] / П. Куттер. – Режим доступа: http://www.koob.ru/books/psychoanalysis/kutter_sovremennij_psihoanaliz.rar. 6.*Поппер, К. Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания [Текст] / К.Р. Поппер. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с. 7.*Рикер, П.* Герменевтика и метод социальных наук [Текст] / П. Рикер. // Рикер П. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. – М.: Изд. центр «Academia», 1995. – С. 3 – 18. 8.*Рикер, П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикер / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. – 624 с. – (Серия «Канон философии»). 9.*Скирбекк, Г.* История философии [Електронний ресурс] / Г. Скирбекк, Н. Гилье. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Skirb/137.php. 10. *Старовойтов, В. В.* Современный психоанализ – смена парадигмы мышления [Текст] / В. В. Старовойтов // История философии. – 2001. – № 8. – С.46 – 65. 11.*Филатов, Ф. Р.* Три этапа становления теоретического психоанализа [Текст] / Филатов Ф. Р. // Московский Психотерапевтический Журнал (Теоретико-аналитическое издание). – 2007. – № 2 апрель-июнь. – С. 31 – 43. 12.*Фрейд, З.* Толкование сновидений [Текст] / З. Фрейд / Пер. с нем. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007. – 512 с. 13.*Хабермас, Ю.* Познание и интерес [Текст] / Ю. Хабермас // Философские науки. – № 1. – 1990. – С. 90 – 99. 14.*Хабермас, Ю.* О прагматическом, этическом и моральном употреблении практического разума [Текст] // Ю. Хабермас Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. – Москва, апрель. – 1989 г.). – М.: Наука, 1992. – С. 3 – 30.

Надійшла до редколегії 23.02.09

Рецензент: док. філос. наук, проф. О.М. Юркевич

УДК 130.2

В.В. ЛАРЧЕНКО, канд. філос. наук, доцент, НТУ «ХПІ»

ЯПОНИЗМ И ГАЙРАЙГО: СТРАТЕГИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ/ГЛОБАЛИЗОВАННЫМ ГОВОРЯЩИМ СУБЪЕКТОМ

В статье рассматриваются японизм и гайрайго как феномены *взаимопересечения* контекстов японского и английского языков, посредством которых происходит символическое манипулирование национальным/глобализованным говорящим субъектом, нацеленное на четкое разграничение Своего/Чужого в лингвокультурном пространстве эпохи глобализации.

Ключевые слова: японизм, гайрайго, национальный/глобализованный говорящий субъект, символическое манипулирование.

У статті розглянуто японізм та гайрайго як феномени *взаємоперетинання* контекстів японської та англійської мов, за допомогою яких здійснюється символічне маніпулювання

національним/глобалізованим суб'єктом-мовцем, що націлено на чітке розмежування Свого/Чужого в лінгвокультурному просторі епохи глобалізації.

Ключові слова: японізм, гайрайго, національний/глобалізований суб'єкт-мовець, символічне маніпулювання.

In the paper there have been considered japanism and gairaigo as phenomena of mutual context intersection of the Japanese and English languages, with the help of which there takes place the symbolic manipulation of the national/globalized speaking subject, that is aimed at the strict distinguishing of the Own/Alien in the linguacultural space of the globalization era.

Keywords: japanism, gairaigo, national/globalized speaking subject, symbolic manipulation.

Эпоха глобализации характеризуется переходом на новый уровень взаимоотношений наций, а, следовательно, и их говорящих субъектов. Последние испытывают влияние со стороны глобальной лингвокультуры, которая навязывает свои модели поведения. Именно поэтому рассмотрение символического манипулирования национальным/глобализованным говорящим субъектом со стороны национального/японского и глобального/английского языков представляет актуальность. Задачами статьи являются 1) исследование взаимоотношения японизма и гайрайго, 2) их роль в дискурсе символического манипулирования английского и японского языков как взаимоконкуренции, направленной на реализацию стратегии присвоения-себе-национального/глобализованного-субъекта.

Статус как английского, так и японского языков обсуждается уже в течение долгого времени. Так, например, М.К. Комбс и Л.М. Линч [1] отмечают о том, что английский так и не записан в Конституции США как официальный язык данного государства, вследствие этого появляется два течения, выступающие в защиту как 1) английского языка, так и 2) других языков, в особенности испанского, во избежание дискриминационных политик, т.к. США – государство с большим количеством иммигрантов.

Возникают споры относительно права собственности на английский язык. Так, А. ван Эссен [2] утверждает, что новые варианты английского языка представляют собой присвоение как попытку создания новой структуры в локальных целях.

А. Мацуда [6] отмечает, что английский язык в японском контексте используется для международного общения либо используются его частные элементы – лексические и культурные заимствования, особенно в сферах попкультуры и рекламы. Несмотря на это существует сообщество студентов, вернувшихся из-за границы, живших там вместе с родителями, и общающиеся в японском контексте на английском как повседневном интранациональном межличностном языке.

И. Таавитсайнен, П. Пахта [7], ссылаясь на Д. Грэддола и его разделении становления английского языка на исторические периоды, полагают, что последний период, в котором данный язык назван «глобальным», подразумевающим его триумфалистское распространение на новые

локальности, нации, является слишком этноцентрическим. Ученые считают, что в этом периоде английский приобрел особый статус с отличной новой культурной, социальной, политико-экономической компонентой во фрагментарном постсовременном мире, что дает право называть его «глобальной *lingua franca*». Доступ к английскому языку, являющемуся центром механизмов глобализации, означает возможность успеха в постсовременном мире. Таким образом, И. Таавитсайнен, П. Пахта указывают на парадоксальность роли данного языка, когда он одновременно является 1) как национальным языком нескольких стран с двумя подражательными моделями в виде его британского и американского вариантов, 2) так и *lingua franca* для всеувеличивающегося взаимодействия локальных экономик, основанных на сфере обслуживания.

М.К. Комбс и Л.М. Линч приводят одну шутку относительно английского языка, подчеркивающую монолингвизм национального говорящего субъекта США: «как вы называете того, кто разговаривает на трех языках? Трилингв. Когда разговаривает на двух языках? Билингв. Как вы называете того, кто разговаривает на одном языке? Американец» [1, с. 38]. Данное утверждение в очередной раз показывает монополизм американского национального говорящего субъекта, который осознает свой язык как единственно возможный для осуществления как 1) интра- так и 2) интернационального общения в современном мире.

Исследования, посвященные анализу статуса английского языка, поверхностно затрагивают проблему символического манипулирования английским и японским языками как *взаимоконкуренции*, направленной на реализацию стратегии присвоения-себе-национального/глобализованного-субъекта, что и будет проанализировано в данной работе.

Глобальный английский язык как колонизирующий-своей-манипуляцией стремится предоставить как можно большее количество своих лексических продуктов другим языкам и в частности японскому, что является его импер(иалистиче)ской стратегией и выражается в его политиках различ(ан)ия в виде дихотомии английский/глобальный/колонизирующий/энкратический/манипулирующий и японский/локальный/колони(з)ируемый/акратический/подвергающийся манипуляции языки. В ходе анализа лексических продуктов словарей [4, с.5], т.е. фиксированных архивов дискурса, было получено подтверждение тому, что символические практики сопротивления со стороны японского языка выражены в численном увеличении лексических продуктов – японизмов. Общее их количество составляет – 107. Именно поэтому было выбрано методом случайного отбора также 107 лексических продуктов англо-американского контекста в японском – гайрайго. Несмотря на малочисленность японизмов по сравнению с гайрайго, этого достаточно для осознания постепенного вторжения первых в пространство английского

языка, стремящихся символически *преодолеть* сконструированную систему неравенства. Данный процесс связан с политико-экономическими отношениями между составляющими дихотомии японский/западный контекст.

Популярные сферы гайрайго в японском языке отличаются от японизмов в английском, т.е., если последние представляют собой лексические продукты сфер искусства и культуры, то первые в своем большинстве – техническую и экономическую терминологию [4], что в очередной раз показывает *обще*применимость глобального языка, который своими универсальными лексическим продуктами основательно фиксируется архивом дискурса с внедрением имперской стратегии на получение статуса «(на)всегда-уже-в-нем-существующего».

Политики перформативности, как одна из главных стратегий символического манипулирования, наблюдаются на примере гайрайго, знаки которых не только преломляются визуально/вербально, но и сокращаются так, что несколько гайрайго с абсолютно разными означаемыми визуально *не* различаются. Таким образом японский язык «играет» с ними, осознавая всю их беспомощность перед своей властью деконструктивистской языковой игры омографами и омофонами. Подобным примером может выступать *booru* – 1) а) мяч; шарик; б) бейсбол; в) удар мячом (в бейсболе), 2) глубокая миска.

В данном процессе наблюдается еще одна игра, когда заимствованный лексический продукт имеет свою копию первичного лексического продукта, отличный лишь визуально. Например, *bombon* – *ономатопоэтическое* о бое часов; о треске фейерверка; *bombon* – (фр. *bonbon*) конфета.

Другим примером перформативности выступает случай, когда визуальная реализация гайрайго в первоначальном контексте одинакова, а во вторичном – различна. Например, англ. *strike* означает как 1) забастовку, так и 2) спорт. удар. В японском контексте они будут реализованы, соответственно, 1) *sutoraiki* и 2) *sutoraiku*, т.е. при измененном последнем слоге. К тому же первый лексический продукт был сокращен до *suto*.

Еще один пример акта перформативности, – когда лексические продукты разных языков приобретают одинаковый визуально-вербальный образ в японском контексте. Например, *suteppu* – 1) (от англ. *step*) а) па (в танце); б) ступенька, подножка и 2) (от русск. степь) степь. В данном случае японский язык «играет» с другими/чужими языками, показывая, что он символически властен над их знаками при сведении их к единому вербально-визуальному образу.

Наибольший интерес представляет взаимная деконструкция означаемых лексических продуктов англо-американского и японского контекстов, являющейся одним из видов лингвистической конкуренции, в которой победа остается за языком, обладающим большей символической

властью над другим, а, соответственно, и его говорящим субъектом. Несмотря на большой поток гайрайго, японский предпринимает попытки их перформативной деконструкции в виде игры с означаемыми, в то время как, несмотря на предоставление малого количества своих лексических продуктов, акта перформативной деконструкции означаемого в большинстве случаев не наблюдается. В данной ситуации возникает вопрос об обладании большей властью одного из этих контекстов, т.е., если английский язык обладает больше *материальной* властью в виде предоставления материальных лексических продуктов, то японский – *символической* – в виде деконструктивистской игры с означаемыми гайрайго. Данные политики сопротивления со стороны японского языка производят новые техники власти английского в виде 1) его множащейся сущности в пространстве других языков и в частности, все увеличивающегося количества внедряемых своих лексических продуктов, а также 2) маркирования лексических продуктов японского контекста как экзотических/других/чужих/маргинальных.

Еще одна политика сопротивления со стороны японского языка выражена в феномене обратного заимствования/перезаимствования, что означает взятие гайрайго, его деконструкция японским языком с последующим внедрением данного лексического продукта в первичный контекст с уже маркированием его как более не принадлежащего своему исходному контексту, а вторичному/производному/экзотичному/другому/чужому. Например, лексический продукт, появившийся в пространстве английского языка как *beddo*, в первичном англо-американском контексте существовал в знаке *bed*, «кровать», подвергшийся перформативной деконструкции в японском контексте, в результате которой появился новый знак – *beddo*, впоследствии внедренный в первичный контекст и означающий в нем «тип кровати, изобретенной в Японии и управляемой электронными приборами». Подобным перформативным лексическим продуктом является *shokku*, который в первоначальном английском контексте существовал в виде знака *shock* – «эмоциональная или физическая реакция на внезапное, неожиданное и обычно неприятное событие или опыт», и внедренный в этот же контекст с японского с перформативным означаемым «шок от японских экономических или политических событий». В данном случае возникает вопрос собственности, т.е. кто имеет права на языковой бренд, вернувшийся деконструированным в первичный контекст.

Таким образом, в период глобализации начинается активная языковая символическая конкуренция за обладание национальным/глобализованным говорящим субъектом, что приводит к символической манипуляции данными субъектами, становящимися непосредственными объектами языковой игры вследствие стремления

каждого из языков к обладанию и практической реализации символической власти, с помощью которой конкретный язык реализует символические стратегии за пределами своего пространства. Английский язык является лидером в предоставлении своих лексических продуктов другим языкам и, в частности японскому, где это количество доходит до 90% от всех заимствованных лексических продуктов. Именно поэтому данная цифра означает ответ на практики вызова японского языка, которые заключаются в деконструкции знаков гайрайго, символической манипуляции ими. При этом английский язык не может проводить подобную практику с японизмами, что связывается также с этнопсихолингвистической теорией лакун, когда говорящие на английском языке национальные субъекты не имеют опыта специфической для другого/чужого лингвокультурного контекста реалии, что, соответственно, и позволяет языку, в котором она существует, манипулировать по собственным правилам. Английский язык вследствие подобной практики японского языка в своей политике всепроникающей и множащейся во всех языках сущности предоставляет универсальные лексические продукты, которые не являются культуроспецифичными, тем самым, стремящиеся к своей однородности во всех языковых контекстах, оставляя другим/чужим лексическим продуктам статус экзотичности/маргинальности, даже утопичности попыток быть конкурентоспособными; которые этой экзотичностью/маргинальностью добиваются политик признания со стороны английского языка. Данная проблема должна изучаться в дальнейшем, чтобы наиболее всесторонне изучить стратегии символического языкового манипулирования национальным/глобализованным говорящим субъектом как многогранный феномен эпохи глобализации.

Список литературы: 1.*Combs, M.C.* English Plus [Text] / M.C. Combs, L.M. Lynch // English Today. – 1988. – № 16 (October). – P. 36-42. 2.*Essen, van Arthur.* English is not English [Text] / van Arthur Essen // *Babylonia*. – 2002. – Vol. 1. – P. 10-15. 3.*Gandhi, L.* Postcolonial Theory: a Critical Introduction [Text] / L. Gandhi. – New York: Columbia University Press, 1998. – 200 p. 4.*Larchenko, V.V.* Gairaigo in Japanese and Japanism in English: Postcolonial Politics of Symbolic Exchange [Text] / V.V. Larchenko // Матеріали четвертої науково-практичної конференції «Мова в контексті культури і міжкультурної комунікації». – Луганськ: Видавництво СЛУ ім. В. Даля. – 2008. – С. 48-50. 5.*Larchenko, V.V.* Katakana as Japanese Performative Practice over English [Text] / V.V. Larchenko // Культура народів Причорномор'я. Научний журнал. – Сімферополь: Межвузовський центр «Крым», 2008. – Т. 1, № 142. – С. 444-445. 6.*Matsuda, A.* The Use of English among Japanese Returnees [Text] / A. Matsuda // English Today. – 2000. – Vol. 16. – № 4 (October). – P. 49-55. 7.*Taavitsainen I.*, From Global Language Use to Local Meanings: English in Finnish Public Discourse [Text] / I. Taavitsainen, P. Pahta // English Today. – 2008. – Vol. 24. – № 3 (September). – P. 25 - 38.

Поступила в редколлегію 19.03.2009

Рецензент: канд.филос. наук, проф. Н.А. Ермоловский